

18+

Марк Кутроу

*Два
рассвета
в один день*

Марк Кутроу

Два рассвета в один день

«Издательские решения»

Кутроу М.

Два рассвета в один день / М. Кутроу — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502933-1

«Два рассвета в один день» — это история Любви, прекрасной и печальной, такой близкой и почти недостижимой, спасительной и разрушающей...

ISBN 978-5-00-502933-1

© Кутроу М.
© Издательские решения

Содержание

Марк Кутроу	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Два рассвета в один день

Марк Кутроу

© Марк Кутроу, 2019

ISBN 978-5-0050-2933-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Марк Кутроу

Два рассвета в один день

Пролог

На следующий день мы угоним круизный пароход и поплывем по необъятному морю на встречу новым ощущениям и эмоциям. Впереди нас будет плыть стая дельфинов, играючи выпрыгивая из воды в воздух и хвастаясь перед нами своими пластичными и изящными телами. Солнце будет греть нас своим теплом, и легкий морской ветер будет дарить нам свою прохладу. Мы будем с тобой рыбачить, стоя на носу нашего судна, и поймаем самую красивую рыбу на свете: ее чешуя будет переливаться на солнце миллионными оттенками самых ярких красок, ее мощь и сила будут завораживать взгляд своим благородством. Мы отпустим ее снова в синее море и будем любоваться тем, как она величественно и грациозно уходит в свои владения...

Мы спустимся с тобой на самое дно моря и увидим всю чарующую красоту подводного мира. Мы будем словно два дельфина, хотя нет... Ты будешь моей Русалкой, а я твоим Русалом. Мы будем плыть рядом в бирюзовой толще воды, будем резвиться, догоняя стаи пестрых рыб. И мы закружимся в подводном танго.

Затем мы поплывем в сторону заката на нашем корабле, который будет рассекать море и уносить нас все дальше и дальше за горизонт – туда, где море встречается с небом, и они сливаются в одно целое, переплетаясь в объятиях. Ведь они так долго этого ждали: они видят друг друга на протяжении сотни тысяч километров. Они любят друг друга. Море видит как прекрасно небо, оно восхищается его прозрачной синевой. Морю нравится его наряд из воздушных облаков, оно томится ночами, созерцая украшенное звездами, словно драгоценными камнями, небо. А больше всего море любит, когда в небе восходит полная луна, которая своим сиянием будто объединяет их, и на море появляется лунная дорога, ведущая его к желанному небу.

Но море не может обнять прекрасное небо и не может его почувствовать. И тогда море волнуется, поднимает гигантские волны в попытке дотронуться до своего любимого неба. Отчаяние переходит в ярость. Море бушует, и в этой глухой ярости оно крушит все на своем пути. Небо, видя, как мучается его возлюбленное море, проливает слезы – сначала тихо, затем поток слез все больше усиливается, небо начинает метать молнии и громко вздыхать, оглушая все вокруг раскатами грома... Но потом обессиленное и опустошенное их общей печалью, небо сменит черное разорванное грозowymi тучами платье, и на нем засияет золотая брошь. И море, ощущая тепло взошедшего солнца, тоже успокоится и устремится к горизонту на встречу к своему небу...

Милая, мы станем свидетелями этих переживаний безысходно влюбленных титанов. И тогда мы поймем, на сколько сильно мы друг друга любим. Я обниму тебя, крепко прижав к себе, ты положишь голову мне на грудь, и мы долго будем смотреть туда, где бескрайнее море наконец коснулось синего неба....

Глава 1

Я с детства отличалась чрезмерным любопытством, мне всегда нравилось следить за людьми. Нет, конечно, я не была обезумившей маньячкой – мне было просто интересно, как живут другие люди, чем они увлекаются и как проводят свободное время. Все началось с чтения книг. Ведь, читая книгу, мы тоже в какой-то мере следим со стороны за чужой, пусть и выдуманной, жизнью. И, будучи девочкой, я хотела написать книгу, которая стала бы шедевром и раскупалась нарасхват. Тогда я начала задаваться вопросами: откуда авторы берут сюжеты для своих романов?! Неужели они с блокнотом и ручкой в руках ходят по пятам за своим будущим персонажем, тайком записывая каждую мелочь, которая происходит в их повседневной жизни?! А откуда они знают, что чувствуют их герои?! Они же не могут читать чужие мысли?! Или они все же пристают к бедолагам с расспросами, выпытывая у них все то, что они переживают?!

Потом немного позднее я поняла, что для того, чтобы написать книгу, не обязательно быть одной из городских сумасшедших, бродячих по улицам в поисках очередной жертвы, которую они выберут и перенесут ее жизнь на бумагу, вырвав ее из реальности.

«Так, стоп. Николь, хватит с тебя этих бессмысленных словесных оборотов. Хочешь написать бестселлер – пиши проще, чтобы людям легче читалось, на одном дыхании... Хмм... пожалуй, да, надо проще. Ладно, после исправлю, а сейчас надо накидать задумки, пока мысли в голове в конец не запутались, а потом все отредактирую. Итак, на чем я остановилась?! Ах, да...»

Для того, чтобы написать книгу, надо на секунду ворваться в другую жизнь и прожить ее, додумывая самой все события, которые были и которым предстоит еще состояться. Раскрыв, как мне на тот момент казалось, секрет, я начала практиковаться. Сперва я наблюдала за своими соклассниками, но вскоре они стали мне безынтересны: что такого необычного может произойти в жизни подростка, самой большой проблемой которого является выскочивший на носу прыщик? И тогда я стала по долгу пропадать в парках и скверах. Я садилась на свободную скамейку в центре парка, и в эти моменты я чувствовала себя так, словно пришла на премьеру нашумевшего мюзикла, и замирала в предвкушении того, что сейчас перед мной развернется яркая картина, водоворот которой унесет меня далеко за пределы этого зрительного зала. Я устраивалась поудобнее и таинство начиналось.

Вот идет парочка, держась за ручки. Но сразу видно, что они недавно поругались: оба молчат, лица задумчиво-озабоченные, и даже не смотрят друг на друга, как подобает влюбленным. Казалось, будто они и не были вовсе знакомы, и каждый шел по своим делам, а кто-то взял и незаметно для них обоих соединил их руки между собой.

«Интересно, что у них стряслось? Может, он забыл про годовщину их первого поцелуя, и она обиделась на него, а он в свою очередь разозлился в ответ, недоумевая от того, как можно всерьез обижаться на такие мелочи? Или, может, она увидела, как он флиртует с пышногрудой блондинкой с голубыми глазами в каком-нибудь местном баре? Или, наоборот, он приревновал ее? Ай, ерунда какая-то, скукотища... Тааак, кто там у нас еще?!»

И так я проводила все свободное время, сидя на своем месте в партере, в тени зеленых деревьев, раскинувшихся своей пышной и сочной листвой. Я сидела и растворялась среди множества выдуманных мною судеб и историй. И, даже возвращаясь домой, я засматривалась в окна многоэтажек и представляла, что сейчас творится по ту сторону желтых квадратов, горящих в вечерних сумерках. Но мне никак не удавалось найти что-то стоящее, что помогло бы мне написать поистине достойную книгу. Потом в моей жизни появился первый ухажер, который просто вскружил мне голову. И я, как и любая девушка моего возраста, впервые почувствовавшая то самое захватывающее дух шевеление внизу живота, забыла про все на свете.

И книга, которой я бредила всю свою сознательную жизнь, стала обычной мечтой девочки-подростка. Воспоминание об этой девочке с ее наивной мечтой до сих пор вызывает у меня улыбку. Но любопытство и привычка наблюдать за случайными прохожими у меня все-таки остались. И даже теперь, где бы я ни была: в парке, в общественном транспорте, в ресторане, в библиотеке и вообще в любом месте, если помимо меня есть хотя бы один человек, я не отказываю себе в удовольствии украдкой взглянуть на незнакомцев и немного пожить их жизнью. Я уже не горела желанием написать книгу – просто эта детская привычка казалась мне забавной.

Но около трех месяцев назад случилось то, что снова зажгло во мне огонек детской мечты. Я странным образом почувствовала, что наконец нашла того, кого так хотела найти в детстве. В то мгновение я ощутила себя маленькой девочкой, которая грезила увидеть сказочного единорога; и, вот, забредя в чащу заколдованного леса, увидела это чудо во всей красе.

Он стоял в Бетман-парке, в центральной его части, где разбит небольшой китайский сад с прудом и пагодой. Это был пожилой азиат невысокого роста. Его лицо обрамляла ухоженная седая борода, а коротко стриженные волосы в контраст бороде были черными без какого-либо намека на седину. Он был одет в элегантный темно-серый костюм, который, видимо, был сшит на заказ: пиджак был идеально подогнан под его на удивление стройную и крепко сбитую фигуру; на нем была небесно-голубая рубашка в мелкую клеточку, серый, на пару тонов светлее костюма галстук и черные классические туфли с закрытой шнуровкой. Он стоял, прислонившись плечом к столбу пагоды, и смотрел на свое отражение в пруду. Но было ясно, что он не любит себя и что он совершенно отречен от происходящего вокруг него. Он либо пребывал сейчас в каких-то своих мечтах, либо его сознание рисовало ему картины из прошлого, и он внимательно рассматривал их, стараясь уловить каждую деталь ушедших дней. Он время от времени мечтательно улыбался, поднося к лицу букет из нежных белых лилий, который он держал в руке; затем, вдыхая их аромат, он принимался очень часто моргать, загоняя слезу обратно, которая все норовила вырваться наружу; хмурил свои черные брови, и на его лице отражалась досада. А потом его лицо успокоилось, будто море после шторма, и на нем проступила безмятежная гладь. Но одно оставалось неизменным: в его слегка раскосых карих глазах отчетливо читалась терпкая многолетняя тоска. И от всего его образа веяло восточной мудростью. Я видела перед собой благородного и мужественного самурая, который несмотря на свою европейскую одежду смотрелся очень гармонично в окружении той самой деревянной пагоды, застывших драконьих голов, растений, цветов и камней, разложенных строго по фэн-шую, частью которого он и должен был быть. На секунду мне показалось, что это я иностранка, а не он, и что я очутилась в каком-нибудь маленьком городке у подножия вулкана Фудзи, и в голове промелькнула нелепая мысль: «Как же по-идиотски смотрится Франкфурт в Японии. Зачем было его здесь строить?!»¹

Я не знаю, как долго я на него смотрела, но в какой-то момент, как будто почувствовав мой пристальный взгляд, он повернулся в мою сторону и посмотрел мне прямо в глаза. От неожиданности я оцепенела и продолжала беспардонно глазеть на него. Он подошел ко мне и тихо спросил, все ли со мной в порядке. Все еще пребывая под впечатлением от нахлынувшего наваждения, я никак не могла понять, почему самурай заговорил со мной на чистом немецком с едва улавливаемым акцентом.

– Вам плохо? – также тихо спросил он еще раз.

Я хотела ответить ему и обнаружила, что я давно уже стою с полуоткрытым ртом, и только тогда я в полной мере осознала, на сколько глупо я выгляжу со стороны. Я прикрыла рот, сглотнула и еле слышно промямлила:

– Эммм... Да... Все хорошо.

¹ Bethmanpark – парк во Франкфурте-на-майне, названный в честь династии банкиров Бетман, представители которой разбили этот парк вокруг своего дворца.

– Вы уверены? Позвольте, я проведу Вас к лавочке, чтобы Вы могли сесть, – не дождав-шись ответа, он мягко, но в то же время уверенно, взял меня под локоть и усадил меня на лавочку под массивной крышей пагоды, – Ну, вот. Здесь в тени, я думаю, Вам станет лучше. В этом году аномальная жара. Уже вроде август кончается, но осенью даже и не пахнет. Может, стоит принести Вам воды?

– Нет, спасибо. Все хорошо. Мне уже лучше.

Я только начала приходить в себя и, когда я представила свое лицо и то, что он обо мне должен был подумать, я невольно подавилась подступившим смешком. Он посмотрел на меня в легком недоумении, насупил брови, но сразу же их расправил и добродушно улыбнулся.

– Значит, Вам действительно полегчало, – произнес он шутливым тоном, от чего пока-зался мне довольно-таки приятным человеком.

– Да, – улыбнулась я в ответ, – Вы, наверное, подумали, что я сумасшедшая.

– Нет, что Вы?!

Судя по тому, что он не сел рядом, я поняла: удостоверившись, что мое самочувствие улучшилось, он, скорее всего, уйдет. А мне ужасно не хотелось его отпускать, поэтому я решила сказать ему правду, малость приврав:

– Вы простите меня, пожалуйста, что я так бесцеремонно смотрела на Вас. Вам, должно быть, было неловко.

– Все в порядке. Не беспокойтесь.

– Все же я хотела бы объясниться, если позволите, – я сделала паузу и взглянула на него. Он деликатно промолчал и снисходительно улыбнулся, давая понять, что я не обязана перед ним объясняться.

– Видите ли, я писательница. Пишу в основном романы.

– Интересно. А как Вас зовут? Или Вы пишете под псевдонимом?

– Ах, простите, я даже и не представилась. Меня зовут Николь. Николь Нойманн.

– Надо же, мне еще никогда не доводилось знакомиться с настоящей писательницей. Очень приятно. Аян, просто Аян. Фамилию мою Вы вряд ли сможете произнести, – он снова улыбнулся, но на этот раз достаточно широко для того, чтобы я смогла увидеть его белые более-менее ровные зубы. Он протянул мне руку. Я пожала его ладонь и, хотя он не сильно сжал мою, я почувствовала, что за этим лицом старика таится все еще сильный и здоровый мужчина. Он все-таки сел рядом со мной, и вполоборота повернувшись ко мне, продолжил:

– Я могу называть Вас по имени, Николь?

– Да, конечно.

– Итак, Николь, значит Вы пишете романы?

– Да. И как раз сейчас я никак не могу определиться с сюжетом нового. Я частенько гуляю в поисках вдохновения, и, когда я увидела Вас, я очень заинтересовалась Вами.

– Правда?! Я польщен, – смущенно произнес он, прищурил и без того неширокие глаза и с иронией спросил:

– И что же интересного Вы нашли в обычном старике?

– Знаете, есть Вас что-то загадочное и благородное... Ммм... В Вас я увидела воплоще-ние восточной мудрости... Самурая...

Он внезапно рассмеялся, и я уж было подумала, что с самого начала он все-таки считал меня полоумной и разговаривал нарочито вежливо, желая лишь потешиться надо мной бла-женной. Но не успела я на него обидеться, как он принялся извиняться:

– Не воспринимайте на личный счет. Просто не Вы первая и, скорее всего, не Вы послед-няя, кто принимает меня за японца. Я не японец.

– А кто Вы? Китаец? Кореец? Просто вы все очень похожи и ... – я оборвала себя на полу-слове, устыдившись своей некорректности, – извините, я не имела в виду ничего такого... Просто...

– Все нормально. Меня это давно не задевает. Я привык и иногда даже пользуюсь этим, – он заговорщицки подмигнул мне, и у меня отлегло, – я казах, с Казахстана. Слышали о такой стране?!

– Да, слышала. Это в Центральной Азии, южнее России. Верно?

– Да, верно. Лет сорок назад многие в Германии и самого названия страны не знали, не говоря уже о координатах.

Он вдруг замолчал и снова погрузился в состояние отрешенности, сопровождаемой той самой мечтательной улыбкой: наверное, вспомнил, как совсем еще молодым приехал в незнакомую ему страну с иной культурой и чуждыми нравами.

– Аян, Вы давно живете в Германии?

– В Германии? – переспросил он, вернувшись в реальность из глубин своих воспоминаний.

– Да, Вы живете во Франкфурте?

– Нет, я не живу в Германии. Я прилетел во Франкфурт на несколько дней и скоро улетаю.

Мной овладела паника: я поняла, что у меня мало времени, чтобы выяснить, что же скрывается за этой тоской в его глазах.

«Что он пережил? Или это всего лишь старческая сентиментальность, которая приходит к каждому в преклонном возрасте?» – я еще раз взглянула в его глаза, он смотрел на меня, но мысли вновь унесли его прочь из Бетман-парка, – «Нет, Николь, эта тоска оставила глубокий след в его сердце. Я это чувствую. О чем скорбят твои глаза, старик?»

– Ну, так что?! Не хотите стать героем моего романа? – шутя попыталась я снова завести разговор.

– Какой же из меня герой романа? Я обычный старик, который прожил обычную жизнь. Но если Вы хотите написать самый скучный и бессмысленный роман за всю историю человечества, то я к Вашим услугам.

– Ну, не такой Вы уж и обычный старик. Вот я сразу заметила, что у Вас необычайно стройное и сильное тело.

– Николь, чем ближе человек к смерти, тем неистовее он сопротивляется ей, отрицая всем своим существом ее неизбежность. Вот и мне иногда закрадывается надежда обмануть смерть. Пусть даже мне это не удастся, но по крайней мере я не хочу встретить эту даму в дряхлом и немощном теле. И хотя бы поэтому я обычный старик... Обычный глупый старик, который все никак не может отпустить Ее... – почти шепотом пробормотал он последнее предложение.

– Кого? Смерть?

Он не ответил. Лишь смотрел на лилии, все это время лежавшие у него на коленях. Я тоже посмотрела на них. Я все не могла взять в толк, кого же он не в силах отпустить.

– Николь, Вам нравятся лилии?

– Да, очень нежные цветы.

– Тогда возьмите их. Я, пожалуй, пойду. Прощайте, Николь, удачи Вам в написании нового романа!

Он встал и ушел. Я была разочарована и раздосадована. И теперь, когда я смотрела уходящему старику в спину, все произошедшее показалось мне совершенно нелепым, а сама идея написания книги из разряда детской мечты перешла в полнейший абсурд. Но присущее мне любопытство не желало мириться с тем, что я не узнала о нем больше, и я все еще провожала его глазами. Он шел, не спеша, то и дело останавливался на мгновение и шел дальше. И сейчас он остановился, постоял, затем развернулся и пошел в мою сторону. Я встретила его радостной улыбкой до ушей и чуть ли не хлопала в ладоши, как ребенок, которому показали фокус, достав из его же уха конфетку.

– Знаете, Николь, при нашем знакомстве Вы боялись, что я приму Вас за сумасшедшую...
А я боюсь обратного. Мне кажется, что я сам уже давно психически не здоровый человек...

Глава 2

Я проснулся на час раньше обычного. Солнце еще и не думало восходить, и казалось, что в этой тишине весь мир готовится к новому тяжелому дню, собирая всю свою волю в кулак, и наслаждается последними минутами свежести на сегодня. Это был самый суровый август за все мои 30 лет. Жара, подпитываемая влажностью, пришедшей с обеих морей, достигла своего пика; и этот бесщадный тандем жары и влажности выматывал мой непривыкший к такому климату организм точно так же, как неопытного боксера выматывает долгий бой с более сильным соперником.

Мы спали на матрацах, постеленных на пол, в обычном ванруме – так здесь назывались крохотные однокомнатные квартиры, в которых, как правило, и ютились сотни тысяч рабочих, прибывших в Корею из разных стран в поисках своего счастья. Я поднялся, сел, опершись спиной о прохладную стену, и включил кондиционер. Лу проснулась от звука включающегося кондиционера и растеряно оглянулась по сторонам, словно соображая, в каком месте она находится. Потом, увидев меня, она улыбнулась и тихо спросила:

- Уже пора вставать, милый?
- Нет, можешь еще поспать. Сейчас только четыре.
- А ты почему не спишь?
- Я только проснулся. Спи. Я тебя разбужу.

Она улыбнулась еще раз и снова заснула, прижавшись щекой к моей руке. Я сидел в предрассветных сумерках и думал о сне, который часто посещал меня по ночам. Прошло уже шесть лет, но этот сон вновь возбуждал во мне вкус горечи от потери, заставляя еще раз пережить тот день.

– В горах легко дышится. А там, внизу, задохнуться можно, – ни столько сказал, сколько выдохнул он, дернув подбородком в сторону города, укрытого плотным одеялом смога. Мы молча сидели на бревне и смотрели на город, муравейником раскинувшийся у подножия гор. Мне хотелось сказать брату что-нибудь теплое и обнять его, но я продолжал сидеть безмолвным истуканом. Он заменил мне и отца, и мать, и друга. Между нами была особая связь, но мы никогда физически не проявляли наших чувств, и обними я его, нам обоим стало бы до жути неловко. Поэтому затянувшееся молчание совсем не тяготило нас. Напротив, молчание с большим смыслом раскрывало нашу глубокую привязанность друг к другу.

Я сделал глоток чистого воздуха, плавно вливавшегося в мои легкие ароматом хвои и разнотравья. Пятнадцать лет назад я вдыхал тот же смолистый запах сосен, когда мы с братом в первый раз поднялись в горы с ночевкой. Тогда он был молод и здоров. Я закрыл глаза, и передо мной всплыло его светлое и без единой морщинки лицо. А сейчас рядом со мной сидел полуседой мужчина с впалыми глазами и выступающими через кожу скулами.

- Почему ты сразу мне не сказал?
- А что бы изменилось?!
- Я бы раньше прилетел!
- Именно поэтому я и не сказал, Аянчик. Ты обязательно бросил бы учебу. А сейчас, смотри, ты магистр... Ученную степень получил.
- Думаешь, эта дурацкая степень мне дороже?!

Я злился. Злился на него за то, что он не сказал мне правду. Я злился на себя за то, что так легкомысленно и эгоистично вел себя, не интересуясь реальным положением вещей. На протяжении нескольких дней я не мог дозвониться до него. Конечно, я переживал за него, и в те дни мне не было покоя. Находясь в другой стране, я не знал, что происходит с тем, ближе которого мне никого не было. Я обзвонил всех наших общих знакомых, но безрезультатно: никто поня-

тия и не имел, где он и что с ним стряслось. Когда меня уже терзали сомнения, вернуться ли домой или остаться в Германии в ожидании новостей от него, он все-таки позвонил мне.

Его голос был уставшим. Он сказал, что уезжал рыбачить на Или, что в тех местах не было связи, и он не мог предупредить меня. Это звучало не совсем правдоподобно: мы ежедневно созванивались, и он ни разу не обмолвился о предстоящей поездке. Но я все же удовлетворился его словами, даже не подозревая, что, по сути, все обстояло не так хорошо, как он мне описывал... Вспомнив это, я впал в отчаяние. Ведь я мог ему помочь. Мог же! И тут мне стало плевать на наше неписанное интуитивное правило – я обнял его и расплакался. Он схватил мою голову руками, прижал к своей груди и потом поднял ее. Все еще держа меня обеими руками, он смотрел мне в лицо. Его глаза были красны, желваки на скулах ходили ходуном, ноздри взымались, точно крылья. Я впервые видел его таким возбужденным.²

– Аян, мальчик мой, – вырвался сквозь пелену моих слез его охрипший голос, – Ты уже давно мужчина. Ты должен осознавать, что рано или поздно меня не станет...

– Нет! Мы могли бы продать дом! Да, и сейчас еще не поздно, Медер! Не поздно! Мы продадим дом. В Германии медицина хорошо развита. Дом большой и дорого стоит. Денег нам хватит. Они обязательно поставят тебя на ноги!

– Поздно, Аянчик. Уже поздно.

– Нет, ты врешь, не поздно!

Я отлично понимал, что, вероятнее всего, он прав: тогда ему диагностировали тяжелую форму рака. Придя в себя, он отказался от дальнейшего пребывания в больнице, и вместо того, чтобы заняться своим лечением, продолжал с той же регулярностью, что и до этого, высылать мне деньги, которые я беззаботно спускал на выпивку, девушек и прочие развлечения. Я чувствовал себя его невольным убийцей – за короткий срок эта чертова болезнь высосала из него все жизненные соки. Когда я встретил его после долгой разлуки, я не мог поверить, что стоящий передо мной стянутый кожей скелет – мой брат, некогда крепкий и статный мужчина, который всегда был для меня эталоном.

– Я не мог продать дом. Ты же знаешь, что по нашим традициям дом остается младшему из рода. Он твой.

Он не был мне родным братом. Я, как и наш дед, рано осиротел: мать умерла, принеся меня на свет и не успев даже покормить меня грудью. Отец, безумно любивший мою мать, не смог выдержать этого удара и вскоре скончался от инсульта.

Меня, слабого и не подававшего надежды на дальнейшее существование, выходил дядя, отец Медера. Когда мне было шесть лет скончались и родители Медера, попав в аварию. И после того, как он, дватидухлетний юноша, бросил учебу, чтобы прокормить меня, и отказался от всех радостей жизни, которые ждали его в столь молодом возрасте; после всего того, что он сделал для меня, эти традиции не имели больше никакого значения. Это был полнейший вздор. Разве жизнь дорогого сердцу человека не превышает всего?!

– Медер, раз уж дом мой, перепиши его на меня!

Он улыбнулся и положил руку мне на плечо:

– Аянчик, я не позволю тебе продать дом. Пойми, не для того я вложил в тебя столько сил, чтобы в конце оставить тебя без крова. Ладно, пошли. Скоро темнеть уже начнет. Надо еще успеть поставить палатку и собрать хворост.

– Медер, может вернемся в город? До Кок-Жайляу еще далеко. Ты устанешь.³

Он встал и взял в руки толстую березовую ветку, которую он использовал в качестве посоха, опираясь на нее при подъеме. Весь усохший, как и береза в его руках, он вытянулся

² Или – река, протекающая на юго-востоке Казахстана и впадающая в озеро Балхаш.

³ Кок-Жайляу – урочище на территории , расположенное с востока на запад между Малым и Большим Алматинскими ущельями в 10 км от города в Казахстане. Абсолютная высота урочища – 1450—1740 м над уровнем моря. [Иле-Алатауского государственного национального природного парка Алматы](#)

во весь рост, распрямляя осанку и всем своим видом показывая мне, что он все еще бодр и готов преодолеть оставшийся отрезок нашего пути.

– Ничего, сил у меня хватит даже на Трех Братьев забраться! Тем более рюкзак у нас один и тот у тебя, да и палатку ты несешь. А раньше было наоборот, помнишь? ⁴

– Помню.

– Иногда даже приходилось тебя на себе носить, когда ты начинал хныкать от усталости. Так что бери доспехи и вперед, мой верный Санчо Панса! Хитроумного идальго ждут великие дела!

Каждый наш поход в горы был истинным приключением. Медер всегда выдумывал разные истории, погружая меня в их атмосферу: мы были древними воинами, выжившими в тяжелом бою и пробиравшимися к своему стану сквозь березовую рощу и реликтовый сосновый бор, чтобы сообщить великому Хану о приближении врага; иной раз мы были героями реальности-шоу, которых высадили среди этих могучих и беспощадных гор и которым надо было во что бы то ни стало выжить в этих суровых условиях; также мы могли стать путешественниками во времени, оказавшимися в безлюдном месте и пытающимися найти ближайшее поселение: гадая в каком именно веке очутились, мы горячо спорили, кто и как мог бы приспособиться к жизни в новом обществе...

И вот Рыцарь печального образа и его преданный оруженосец отправились спасать престелстную Дульсинею Тобосскую из лап зловещего дракона. Брат не понапрасну назвался Дон Кихотом – в его замысле таилась самоирония. Зная, что это его последнее приключение, он игнорировал действительность и хотел напоследок еще раз окунуться со мной в наши фантазии. Раньше его воображение вспыхивало только ради забавы, чтобы наша прогулка становилась веселее, и мы просто дурачились. Но в тот день наше путешествие было пронизано горечью неминуемой утраты, и нам обоим нужно было хоть как-то забыться.

Его не стало меньше чем через месяц. Все мои уговоры показаться врачу, который мог хотя бы облегчить его страдания, он отвергал.

– Ты же читал Булгакова? Как там Воланд говорил?! «Не лучше ли устроить пир и, приняв яд, переселиться в иной мир под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями?» Так вроде?!

Но попить ему не довелось, и умер он не в окружении женщин, а в больничной палате. Когда его состояние совсем уже ухудшилось, я вызвал – таки скорую помощь, несмотря на все его протесты. На его похоронах присутствовало всего несколько человек: я, двое его близких друзей, имам и трое прихожан местной мечети, которые пришли выполнить свой последний долг перед умершим – совершить над ним заупокойную молитву.

Я вернулся домой с кладбища, где долго стоял возле его могилы, просто находясь в ступоре и практически ни о чем не думая. Я открыл ворота и увидел ухоженный сад, в котором он часами возился каждый день. И теперь саженцы, заботливо выращенные им, осиротели. И я был одним из них... Трижды осиротевший, молодой саженец. Я проникся острой скорбью и горько зарыдал. Продолжая заливаясь слезами, я зашел в сад, прошелся между посаженными в несколько рядов деревьев, кончиками пальцев касаясь их листьев; сел на взмоленную утренней росой траву и обнял ствол груши, которую Медер посадил еще перед моим отъездом в Германию. Мне жутко захотелось с кем-нибудь поговорить, и я завел разговор с садом:

– Ну, что же вы, безмолвные свидетели моего горя, не оплакиваете того, кто вспоил вас свежей водой?! Неблагодарные! Всех вас на дрова пушу! Хотя, нет, я погорячился. Знаю, вы отвечали ему добром на его заботу: вы плодоносили для него каждый год, и он наслаждался сочностью ваших фруктов. А я?! Что я сделал для него?!

⁴ Скалы Три Брата – часть хребта Кумбель, возвышающегося над урочищем Кок-Жайляу. Высота Трех Братьев – 2860 метров над уровнем моря.

Я осекся. Мне было мучительно тяжело от той мысли, что я беспечно развлекался в то время, когда мой брат, истекая последними каплями жизни, не переставал думать обо мне. Горькая истина раздирала мою душу в клочья: я никогда не любил его так сильно, как он меня любил. Вслед за этим открытием во мне появилось дикое желание бежать прочь. Бежать так долго, пока силы не иссякнут, пока стопы не покроются кровавыми мозолями, и пока все тело не будет изнывать от боли. Но я не побежал. Я остался сидеть и пустым взором смотрел на небо, хаотично расчерченное ветвями деревьев.

Прозвенел будильник Лу. Громкая и неприятная мелодия отдавалась в моем мозге тяжелым металлическим скрежетом, вырывая меня из сладких объятий дремоты, в которую я снова провалился, сидя у стены. Я выключил будильник и посмотрел на Лу. Всего час назад она проснулась от еле слышного писка, а сейчас ее разум игнорировал звонкий лязг будильника, давая еще немного отдохнуть изнуренному телу. Ее красивое лицо было так безмятежно, что мне не хотелось ее будить. Пусть еще поспит: все-таки нет большего блаженства ранним утром, чем лишние пятнадцать минут сна. Я тихо встал и пошел умываться. Умывшись, я прошел на кухню, медленно задвинул стеклянную перегородку, стараясь сделать это максимально бесшумно, и принялся готовить нам завтрак. Я приготовил около дюжины гренков, которые ей очень нравились и которые она всегда уплетала с неподдельным удовольствием:

– Мммм, так просто и так вкусно, – сказала она, когда я в первый раз угостил ее этим незатейливым лакомством из моего детства.

Лу постучала кончиками пальцев по стеклу, и, обернувшись, я увидел в затемненном стекле стройный силуэт ее голого тела. Она сладко потянулась, приблизилась к двери и поцеловала мое отражение.

– Почему ты не разбудил меня? – прошептала она сонным голосом, потом втянула аппетитный запах, густым туманом стелившийся по кухне, – О, жаренный с яйцами хлеб!

– Вчера ты из-за меня поздно легла, и я почувствовал себя немного виноватым. Поэтому не стал будить.

– Ничего, я в автобусе успею еще поспать, – она снова улыбнулась и поцеловала меня в щеку. Она всегда улыбалась. И даже тогда, когда мы возвращались с поля, она, утомленная и голодная, дарила мне улыбки одну за другой.

Мы быстро позавтракали гренками, запивая их холодным кофе, который продавался в жестяных банках в обширном разнообразии сортов и способах его подачи. И после, разложив рабочую одежду по рюкзакам, мы поспешили к месту сбора, откуда автобус каждое утро забирал не успевших толком отдохнуть трудяг. Сегодня мы пришли последними, и на углу уже толпились десятки девушек-таиландок, которые стояли небольшими группами и оживленно что-то обсуждали на своем языке, местами похожем на мяуканье. Лу пошла к своим подружкам. Они, судя по прошедшему в толпе хохоту, встретили ее какой-то шуткой. Лу бросила веселый взгляд на меня и в тон им что-то ответила, от чего ее соотечественницы еще раз засмеялись. Я же нашел Гошу, стоявшего отдельно от всей этой орды нелегалов, и помахал ему рукой. Увидев меня, он направился в мою сторону, и я тоже двинулся ему навстречу. В этом маленьком городке Чангоп было мало русскоязычных, а в нашем трудовом отряде нас и вовсе было только двое. Гоша был тридцатишестилетним русским с Владивостока, который большую часть своей жизни валил лес в Приморском крае. Но внешне он никак не был похож на лесоруба: он был худым, и смотря на его казавшееся немогущим тело, никто бы и не сказал, что он способен выдержать хоть какую-либо физическую нагрузку. Но внешность обманчива. Я работал с ним в теплицах, где мы собирали арбузы. Эта работа считалась самой тяжелой из всех. И когда мы, остальные работники, к концу дня валились уже с ног, он все еще продолжал с остервенелым упорством толкать свою наполненную арбузами тачку внутри теплицы, где, даже стоя спокойно и ничего не делая, можно было свалиться без сознания от острой нехватки воздуха.

До того, как переехать к Лу, я жил с Гошей, и между нами завязались дружественные отношения еще в пору арбузной лихорадки: мы так шутили называли те два месяца, за которые заработали приличную сумму, трудясь в теплицах.

– Здорова, Аян!

– Салам, Гоша! Как ты?

– Нормально. Слушай, брат, ты слышал что-нибудь за G1?

– Да, виза беженца. А что? Хочешь себе сделать? Не советую, Гоша. Не знаю, как в России, но в Казахстане по головке точно не погладят за это. Там же в органах не станут разбираться, какую причину ты указал: бытовую или политическую.

– Да, по фигу мне! Уже через неделю мне выезжать надо – я здесь уже почти три месяца. Потом снова заезжать. Лишние расходы. А так можно спокойно работать, не уезжая.

– Оставайся нелегалом.

– Да ну... Поймают, потом уже и не вернешься.

– Так-то с G1 тоже нельзя работать. Если попадешься, депортируют.

– Ну, с ней хотя бы по улицам можно спокойно ходить.

– Ходим же уже полгода нелегально – и ничего! Ладно, если ты уж решил сделать эту визу, то у меня есть знакомый, который сможет помочь с этим. Потом после работы я зайду к тебе, поговорим. Пошли, вон за нами «лимузин» едет уже.

Я зашел в автобус и сел на место, которое Лу заботливо заняла для меня. Хотя она, как всегда, улыбалась, было видно, что она не выспалась и совершенно разбита.

– Лу, до поля еще час-полтора ехать. Поспи.

Она забралась с ногами на сидение и положила голову мне на колени. Я гладил ее волосы и думал о том, какая она молодчина. По ее же словам, с ее внешними данными она с легкостью могла бы зарабатывать в Таиланде хорошие деньги, продавая свое прекрасное молодое тело туристам, но вместо этого она отправилась в Корею, чтобы честным трудом кормить себя, престарелую мать и сестренку. Отца у нее не было, и Лу, как старшая из детей, взяла на себя бремя ответственности за семью. Мне было ее жалко, но вместе с тем ее поступок вызывал во мне уважение к ней. Я подумал, что в ней было больше мужества, чем во мне. Я бы никогда целенаправленно не приехал бы в Корею, зная, какая каторга ждет меня здесь. Закрыв глаза, я зарылся в своих воспоминаниях, удивляясь тому, как порой непредсказуемой бывает судьба человека. Ведь совсем недавно я и подумать не мог, что буду нелегалом в стране утренней росы.

Еще каких-то девять месяцев назад я работал преподавателем немецкого языка в одном из алматинских университетов. И чтобы заниматься любимым делом, не беспокоясь о том, на что мне прожить до следующей полочки, я в свободное от преподавания время подрабатывал водителем такси. И это не могло не утомлять меня. Преподавание тоже требовало немалых усилий и энергии. Подготовка материала для уроков и проверка домашних заданий в принципе приносили мне такое же удовольствие, как и сам процесс занятий, но эта бесконечная бумажная волокита с табелями успеваемости и календарными планами уроков, эти бессмысленные планерки у декана, на которых что-то действительно важное обсуждалось всего лишь один-два раза за семестр; это вопиюще хамское отношение к преподавателям со стороны муниципалитета – все это душило меня, я с трудом терпел, и меня тошнило от осознания того, в каком унижительном положении находятся представители столь благородной профессии. И только лишь в своих занятиях я находил умиротворение. Мне нравилось общаться со студентами, быть косвенной причиной их духовного и нравственного развития. А еще я любил немецкий язык, к которому проникся еще во втором классе и который изучал на протяжении пятнадцати лет. И, когда мне удавалось заразить кого-нибудь из студентов страстью к языкам, когда я видел распалющийся огонь в их глазах, мной овладевало эстетическое блаженство, граничащее с профессиональным экстазом. Поэтому я всегда стремился создавать непринужденную

обстановку и относился к студентам, как к своим давним приятелям, которые заглянули ко мне в гости. Мы часто обсуждали на немецком разные темы, которые волновали моих студентов: иногда серьезно, а порой и подшучивая друг над другом; вместе выбирали книги для чтения и смотрели фильмы. В общем, все было замечательно, и я забывал на время про возмущение и негодование, в которые я впадал всякий раз после общения с моим руководством. Но, оказалось, что у меня тоже, как и у любого человека, есть определенная грань терпения, за чертой которой я и оказался, стоя на центральной площади в сырое воскресное утро под моросившим сентябрьским дождем – городские власти в очередной раз проводили мероприятие в честь какого-то никому не нужного события. И для создания впечатления массовости, как это было давно заведено, под страхом увольнения собрали всех учителей города. Я стоял в толпе прозябших до мозга костей коллег и от злости, чертыхаясь, мысленно ругался:

«По какому праву нас загнали сюда, как стадо баранов?! Почему мы должны тратить свое личное время на этот фарс?! Какого черта я должен слушать эту отвратительную музыку, от которой у меня сначала рассыплется на мелкие кусочки мозг, а затем мои барабанные перепонки разорвутся ко всем чертям собачим?! С какой это стати я должен в свой выходной мерзнуть здесь, бесполезно прожигая свое время?! Почему я не могу сейчас лежать на диване и в уютной домашней обстановке читать книгу, попивая горячий кофе?! В конце концов, я мог потаксовать и заработать немного денег!»

Оскорбившись этой несправедливостью, я решительно настроился покинуть этот балаган. Пробиваясь через скопище поникших и унылых учителей, я направился к месту, где была припаркована моя машина. Я уже видел свою машину – «чудо» российского автопрома, которое доставляло мне больше хлопот, чем наслаждения от тех редких случаев, когда я имел возможность прокатиться на ней с ветерком, не боясь непредвиденных поломок. Я достал ключи из кармана брюк и уже прикидывал, чем же мне сегодня занять себя. В момент выбора меню на обед, кто-то дернул меня за рукав пальто. Я обернулся и увидел перед собой заместителя декана – женщину, к которой я испытывал сильную неприязнь из-за ее на редкость стержового характера.

– Куда это Вы собрались, Аян?

– Доброе утро, Гульнар Канатовна! Как Вам сегодняшняя погодка? Вы не находите, что это чудесное утро навевает ностальгию по Лондону?

Госпожа зам. декана была весьма недалеким человеком и не разгадала иронию в моих словах:

– При чем здесь Лондон?! Вы куда собрались, я спрашиваю!

– Знаете, я не совсем хорошо себя чувствую. Я, пожалуй, поеду домой, а там потом решу, куда мне будет угодно собраться. Во всяком случае, трудовое законодательство Республики Казахстан не запрещает мне в выходной день свободно перемещаться по городу.

Не найдя, чем мне ответить, она сверлила меня полными ненависти глазами, и мне показалось, что будь у нее под рукой какой-нибудь тяжелый предмет, она бы с радостью ударила меня им.

– Вы еще что-то хотели? – спросил я, все больше раздражаясь ее ничем неоправданным высокомерием.

– Нуртаеву из 317 группы надо исправить балл за прошлый модуль. Всё. Свободны, – надменно процедила она, скрестив руки на груди.

– Вы серьезно? Я не буду этого делать. Во-первых, он не посещает мои занятия. Во-вторых...

– Никаких во-вторых! – грубо перебила она меня. Я стиснул зубы, собирая остатки своего терпения, и продолжил:

– Во-вторых, он и двух слов не может связать на немецком языке. Это, как минимум, несправедливо по отношению к другим более старательным студентам.

– Вы должны поднять ему балл. И точка.

Этот разговор выжал из меня последнюю каплю самообладания, и я уже не смог удержать в себе возмущение, которое так и распирало меня. Посмотрев ей в глаза, я заговорил подчеркнуто сухим тоном, вкладывая все свое презрение в каждое сказанное слово:

– И сколько он Вам заплатил, госпожа заместитель декана? Надеюсь, достаточно много для того, чтобы оплатить услуги адвоката, который в скором времени Вам понадобится. Я завтра же отправлюсь в комитет по борьбе с коррупцией.

Я развернулся и спокойным шагом удалился в сторону машины. Она на некоторое время затихла, находясь в замешательстве, но потом обрушилась на меня бурным потоком угроз и оскорблений. Но я уже не обращал на нее внимания и с невозмутимым видом сел в свою колымагу, со второй попытки завел двигатель, подождал пару минут, пока тот не прогреется и уехал домой, постепенно остывая под Романс Неморино в исполнении Лучано Паваротти.⁵

На следующий день я написал заявление об увольнении по собственному желанию. Отработав положенный мне срок, я попрощался со студентами и оставил дело, которое являлось для меня нечто бóльшим, чем просто профессией. Но я не отчаивался. Я разослал электронные письма с моим резюме в десятки учебных заведений тех стран, в которых отношение к преподавателям в корне отличалось от того, что приходилось терпеть моим казахстанским собратьям по призванию. Я понимал, что шансы были очень малы, но я не мог не попробовать. К тому же, я был объективно достойным кандидатом: имел высшее филологическое образование, степень магистра, которую я защитил во франкфуртском Гёте-Университете; тем более у меня был какой-никакой опыт работы, и помимо немецкого я владел также и английским языком, а главное, у меня была неутолимая жажда к преподаванию.

Через четыре месяца, в январе 2016-го года, пришел ответ от корейского Университета Чоннам, в котором говорилось, что университет готов рассмотреть мою кандидатуру на вакансию преподавателя немецкого языка. Я был вне себя от радости. Обсудив все детали в переписке с моими потенциальными работодателями и уладив все свои дела в Казахстане, я продал свою машину и замер в ожидании приглашения от университета. Как только я получил его, я сразу же отправился в туристическое агентство, чтобы купить билет в новую жизнь. Да, да. Именно в новую жизнь. Хотя меня пригласили только на собеседование, я был уверен, что меня ждут перемены в лучшую сторону.⁶

«Я им понравлюсь. Вернее, я уже им понравился. Не зря же они заинтересовались мной и, наверняка, назначенное собеседование – всего лишь формальность. Иначе, какой смысл вызывать меня из другой страны?!». С этим оптимистическим настроем я и зашел в офис агентства и направился к свободному столику, за которым сидела милая девушка в белой блузе с голубым шарфом, завязанным на шее на манер галстука. Увидев меня, она улыбнулась так приветливо и искренне, как будто с самого утра ждала лишь меня одного.

«Образцовая сотрудница сферы предоставления услуг», – подумал я, признавая, что ее улыбка действует на меня подкупающе.

В агентстве я задержался гораздо больше времени, чем рассчитывал. Как оказалось, билетов на прямой рейс и на нужную мне дату не было в наличии. Поэтому нам пришлось выискивать окольные пути, чтобы я добрался до Южной Кореи ко дню собеседования. И после полуторачасового просмотра всевозможных вариантов маршрут моего следования был таков: Алматы – Бишкек, Бишкек – Новосибирск, Новосибирск – Владивосток, Владивосток – Инчхон. Я испытал неимоверное облегчение, получив конверт с изображением красавицы-стюардессы, желавшей мне счастливого пути, и с философским смирением встретил новость о том, что в каждом из городов, где мне предстояла стыковка, я должен буду прове-

⁵ «Потаённая слеза», Романс Неморино – ария из оперы Гаэтано Доницетти «Любовный напиток».

⁶ Университет Чоннам – государственный университет в городе Кванджу, шестом по величине городе Республики Корея.

сти в ожидании своего рейса от четырех до тринадцати часов. И самое длительное испытание томлением ждало меня в столице Кыргызстана.⁷

Ночью, 17 февраля, в десять часов пятнадцать минут в международном аэропорту «Манас» совершил посадку Airbus A321, на борту которого находился я, возбужденный и сгораемый от нетерпения. Полет из Алматы занял всего пятьдесят пять минут, которые я, впрочем, провел в обществе очень приятного и интересного собеседника – кыргыза средних лет по имени Болот, летевшего домой после длительной командировки. Так уж у нас принято, что сосед в дороге, будь то в поезде или в самолете, на время всего пути становится тебе самым близким человеком, которому ты непременно должен всё и вся про себя рассказать. И мы с Болотом разговорились. Узнав, что я буду вынужден провести в Бишкеке всю ночь и что у меня нет знакомых в этом городе, он стал настойчиво звать меня в гости. После долгих его уговоров и моих тактичных отказов мы пришли к компромиссу.⁸

– Аян, давай хотя бы до города довезем? Меня зять должен встретить.

– Хорошо, от этого я не откажусь.

– Вот и правильно. А то эти таксисты увидят, что ты неместный, и заломят такую цену! Вообще совести нет!

В машине Болот снова принялся уговаривать меня переночевать у него, призвав себе на помощь зятя: они вдвоем приводили мне сотни доводов тому, что намного благоразумней будет остановиться у них. Мне было приятно от того, что едва знакомый мне человек, проявляет заботу ко мне, будто я и в самом деле его очень близкий родственник. Но мне не хотелось злоупотреблять его гостеприимством, поэтому я все так же неуклонно отказывался, подбирая более подходящие слова, чтобы не обидеть его.

– Болот, не переживайте Вы так за меня. Я хочу посмотреть город, прогуляться чуток. Когда я еще буду в Бишкеке?!

– Но мы уже и центр проехали и к дому уже подъезжаем...

– Ничего страшного, прогуляюсь. Болот, честно, мне очень приятно, но не хочу обременять Вас и Вашу семью.

– Ой, скажешь тоже! Когда для кыргыза или казаха гость был в тягость, а?! Мы же братские народы, кыргыз и казах – едино рождённые!

– Болот, в следующий раз буду в Бишкеке, обязательно загляну в гости. У меня есть кое-какие дела, и я хотел бы успеть закончить их до самолета, – впустил я вход свой последний аргумент.

– Ну, что же, как знаешь, Аян, – Болот наконец-таки сдался.

После того, как он проинструктировал меня по поводу цены, выше которой я ни в коем случае не должен давать таксистам, мы попрощались.

Бишкек определенно мне понравился, он был удивительно схож с моим родным городом и напоминал Алматы моей юности: окаймленный заснеженными горами он утопал в множестве деревьев, высаженных вдоль каждой улицы; и в архитектуре обоих городов находились некоторые общие черты – отголоски советского прошлого. Я прошелся мимо офиса банка, название которого я прочитал на фасаде здания, где красными объемными буквами было написано «Demirbank». И снова Бишкек показался мне родным: в моем городе тоже был банк с похожим названием, только не «Demirbank», а через «т» – «Темирбанк», что в переводе, как с казахского, так и кыргызского означало «железный банк».

«Ну, что прям-таки и железный? – ухмыльнулся я про себя, – Все вы железные до поры до времени... Сколько таких уже объявило о своем банкротстве, оставив вкладчиков ни с чем...»

⁷ Инчхон – международный аэропорт, расположенный в городе-метрополии, в семидесяти километрах от . [Инчхон Сеула](#)

⁸ Международный аэропорт «Манас» – аэропорт Бишкека, столицы Кыргызстана

Посмотрев направо через дорогу, я увидел большие черные буквы, которые говорили мне «Bravo».

– Merci, – произнес я вслух, обращаясь к заведению, которое своим названием будто бы оценило мое остроумие. Я снял невидимую шляпу, сделал небольшой поклон в знак благодарности и побрел себе дальше по улице имени неизвестного мне Ахунбаева. Я с интересом рассматривал внешне не многим отличавшихся от алматинцев горожан, жилые дома и здания различного предназначения. И на подсознательном уровне в этой массе горящих ярким светом витрин я замечал только те, которые говорили мне о том, что я мог бы там перекусить: точка быстрого питания «Бегемот», антикафе «Izone», кафе-бар «Одноклассники», возле которого я и остановился. Это было вполне сносное кафе с дизайном, выполненным в стиле одноименной социальной сети: вывеска имитировала функциональную панель сайта вплоть до главной эмблемы и разного рода иконок, а в интерьере преобладал оранжевый цвет. Я зашел во внутрь, сел в самый дальний угол зала и отметил для себя, что диван был слишком низким, а стол в свою очередь довольно высокий, что доставляло мне определенную долю неудобства. Надеюсь, что вкусный и сытный ужин сгладит этот незначительный дискомфорт, я сделал заказ: порцию куриной отбивной с грибами, овощной салат и чашку кофе-американо. Покончив с ужином, я расплатился и поинтересовался у официанта, приятной внешности молодого человека, где бы я мог остановиться на ночь. Затем я попросил его вызвать мне такси и уехал в гостиницу.

Лежа в гостиничном номере на белоснежной постели, я долго не мог уснуть. Во мне зарождалось непонятное чувство. И даже, улетая на следующий день, я не мог понять, почему мне не хочется покидать Бишкек: было какое-то призрачное ощущение того, что я оставил что-то ценное в этом городе...

Но когда я прибыл в Корею, это странное внезапно нахлынувшее на меня чувство отступило. Я пересек границу надежды на прекрасное будущее, от осуществления которого меня разделяло всего четыре часа езды на автобусе, ровно столько времени занимает дорога от Инчхона до Кванджу, где и расположился Университет Чоннам, любезно согласившийся принять меня в свой преподавательский состав. Международный аэропорт Инчхон был громаден и прекрасен. Его современный дизайн и развитая инфраструктура ничем не уступали франкфуртскому аэропорту, который до этого дня был единственным крупным аэропортом, посещенным мной. Помимо ресторанов, кафе, магазинов и комнат отдыха на его территории находились музей корейской культуры, зимние сады и, если верить путеводителю, даже каток. Выйдя из аэропорта, я открыл для себя, что корейская зима была относительно теплой, поэтому я вернулся в здание терминала, нашел туалет, заперся в одной из кабинок и снял свою теплую одежду, сменив ее на более легкую. Сидя в автобусе, несшему меня в Кванджу, я смотрел на невысокие каменистые горы, покрытые хвойными деревьями вперемешку с лиственными. Иногда в горах можно было увидеть возвышающиеся над дорогой одинокие могильники, выполненные в национальном духе. Я с жадностью смотрел в окно, изучая свой новый мир, в котором найду пристанище на ближайшие несколько лет. Но долгое время ничего, кроме гор не было вокруг, и я уснул от монотонного ландшафта за окном: сказалось утомление от продолжительного перелета.

Когда я вышел из бас-терминала на улицу, меня сразу же окутал отбиваемый мегаполисом ритм: под неоновым освещением басили моторы проезжающих мимо автомобилей, в такт им звучали сигналы нетерпеливых водителей, и под аккомпанемент доносящейся откуда-то аудиорекламы голосил хор тысячи прохожих. Это бы ритм джаза, который придавал мне все больше уверенности в светлом будущем. И я, смакуя каждую ноту этого мотива, пульсирующего в городской суматохе, начал наэлектризовываться энергией. Воодушевленный и окрыленный я направился к знаку «такси», где перед турникетами выстроилось четыре живых колонны. Я встал в одну из них и продолжал рассматривать новый для меня город. Такси одно за другим подъезжали к турникетам и забирали ожидавших их пассажиров. Через десять – пятнадцать

минут пришла и моя очередь. Водитель увидел мой чемодан и открыл багажник, не выходя из машины. Я загрузил свои вещи, сел на переднее пассажирское сидение и протянул ему бумагу с адресом мотеля, в котором я заблаговременно забронировал номер. Таксист, ничего не говоря, просто кивнул и повез меня к пункту назначения. Мы ехали в потоке автомобилей, состоявшем исключительно из машин корейских марок. Очень редко попадались мерседесы и BMW, но я не увидел ни одной тойоты, которые были распространены у нас. Когда машина остановилась, водитель что-то сказал мне и взглядом указал в сторону.

– Извините, я не понимаю по-корейски, – сказал я ему на английском. Но, по всей видимости, и он, равным образом, не понимал то, что я ему говорю. Он раздраженно показал на счетчик, на котором высветилась цена в двенадцать тысяч вон. Переводя в уме на доллары – вышло около одиннадцати – я расплатился и вышел из машины.

Мой первый ночлег в Корее был весьма неплох. Я толком еще не знал местных цен, но за сорок пять долларов в сутки я получил комфортабельный номер со всеми удобствами. Как выяснилось позднее, можно было найти и подешевле, но тогда об этом я и не думал. Мне хотелось еще погулять по городу, но я решил остаться, принял душ и заставил себя уснуть, чтобы завтра быть бодрым и свежим. Утром за два часа до собеседования я приехал на такси в университет. Кампус университета Чоннам состоял из большого числа корпусов и занимал внушительную территорию, на которой раскинулись несколько скверов с прудами, деревьями, аккуратно постриженными кустами и ухоженными лужайками. Хотя сейчас, в феврале, это все смотрелось невзрачно, я мог себе представить всю ту живописную красоту, которая расцветала здесь весной. Я понял, что один не справлюсь с поиском нужного мне корпуса, поэтому спрашивал у прохожих дорогу. Но, к моему сожалению, не все студенты и преподаватели знали ответ на мой вопрос. Я блуждал между зданиями, пока не увидел молодого корейца, сидящего на скамейке.

– Извините, Вы не могли бы мне помочь?

– Да. А что случилось?

Я объяснил ему ситуацию и дал для ознакомления приглашение. Он взял его, прочитал, низко поклонился и вернул мне приглашение, держа его обеими руками. Еще в аэропорту я обратил внимание на то, что все здесь кланяются друг другу, но этот поклон явно не был простой учтивостью. Я тоже сделал поклон и взял у него бумагу обратно.

– Пойдемте, я Вам помогу.

– Я, надеюсь, не отниму Ваше время?

– Нет, я сейчас свободен. Я просто сидел и медитировал.

Мне стало не ловко от того, что я оторвал его от духовного единения с самим собой.

– О, мне очень жаль, что я помешал Вам.

– Вы не помешали мне. Я с удовольствием помогу Вам.

Мы заходили в каждый корпус, он разговаривал с сотрудниками, которые показывали нам дорогу, и всякий раз направление было неверным, но мы не прекращали поиски и шли дальше от здания к зданию.

– А почему Вы мне поклонились сегодня?

– Это был знак уважения к Вашей профессии. У нас уважают учителей. Разве в Вашей стране не так?

Мне было стыдно признавать, что у нас учителя, мягко сказать, не в почете. Поэтому я перевел тему разговора:

– Брать и давать тоже всегда надо обеими руками?

– Да, давать или брать что-либо одной рукой – это дерзость и неуважение к старшему. Можно еще вот так, – он протянул мне одной рукой свой телефон, поддерживая ее за запястье второй. Это движение напомнило мне то, как наши невестки подают чай гостям. Я пытался

ему сказать это, но никак не мог вспомнить, как будет на английском невестка, от чего смысл сказанного мною стал немного туманным.

Исходив всю территорию кампуса вдоль и поперек, мы все-таки нашли тот самый корпус. Мой провожатый, имя которого я не запомнил из-за его непривычного звучания, вызвался помочь мне в том случае, если мне понадобится переводчик. И он мне понадобился. Нас встретил седой профессорского вида кореец. Взяв у меня мое приглашение, он долго изучал его, потом уставился в монитор компьютера, кликом мыши выудил какую-то информацию, прочитал ее вслух и обратился ко мне с каким-то вопросом на корейском. Я на английском ответил ему, что не знаю корейский, и вежливо поинтересовался:

– Не могли бы мы продолжить беседу на английском?

Профессор посмотрел на меня, подняв свои брови кверху, затем перевел глаза на моего спутника. Повисла тишина, которая меня напрягала: я совершенно не понимал, что происходит.

– Что-то не так? – с опаской спросил я.

– Господин профессор говорит, в базе стоит отметка о том, что Вы владеете корейским языком.

– Но в своем резюме я этого не указывал. Это должно быть какая-то ошибка.

Не было сомнений в том, что профессор понимал по-английски: не дождавшись перевода, он снова ответил на корейском. Я вопрошающе посмотрел на обоих поочередно.

– Господин профессор утверждает, что здесь не может быть никакой ошибки. К тому же Вы сами вели переписку с университетом на корейском языке.

Ах, вот оно что! Я понял-таки, в чем дело. А дело было в том, что во все университеты я отправлял сопроводительное письмо на английском, но в Корею я решил составить письмо именно на корейском языке, для чего обратился в переводческое агентство, которое и в дальнейшем переводило для меня всю переписку. Но я верил, что не все еще потеряно. Поэтому я объяснил это недоразумение и извинился за то, что своим чрезмерным рвением я невольно ввел в заблуждение членов коллегии.

– Господин профессор говорит, что знание корейского языка было одним из основных и обязательных требований.

– Я могу его выучить, если только господин профессор даст мне шанс, – я чувствовал, что мои надежды с каждой минутой уплывают от меня, и начал искать мало-мальски возможные варианты, но это было бесполезно точно так же, как утопающему было бы бессмысленно хвататься за соломинку.

Профессор покачал головой и уже на английском подытожил:

– Мне очень жаль, господин... – он посмотрел на мое приглашение и, спутав фамилию с именем, продолжил, – господин Аян, но мы не можем принять Вас на работу без знания корейского языка, и у нас нет возможности дать Вам время на его изучение. Мы будем вынуждены сообщить в эмиграционную службу о том, что отказываем Вам в предоставлении рабочей визы. И Вы должны понимать, что во избежание дальнейших проблем Вам надо покинуть страну.

Я вышел из кабинета, который еще несколько минут назад был для меня мостом к многообещающим перспективам. А теперь все надежды и ожидания окончательно разрушились и прахом развеялись в небытии. От вчерашней эйфории не осталось ни следа: я был убит разочарованием, и винить в этом было некого, кроме себя самого.

– Мне очень жаль, – на меня смотрели исполненные сочувствия глаза моего проводника, ставшего очевидцем этого постыдного краха, – если бы я мог еще что-нибудь для Вас сделать...

– Вы уже многое сделали для меня. Пойдемте, я Вас отблагодарю обедом. И, пожалуйста, не отказывайте мне.

Я был подавлен и не выронил ни слова, он же понимающе не тревожил меня разговорами. После обеда мы пожали друг другу руки и разошлись каждый своей дорогой: он ушел в сторону кампуса, а я вернулся в мотель. Зайдя в свой номер, я повалился на широкую кровать и уснул, сокрушенный настигнувшим меня потрясением.

Автобус подскочил на кочке, и я едва успел поймать голову Лу, чтобы она не ударилась о мои колени. Она поднялась и снова улыбнулась. За эту ее изумительную особенность излучать позитив всегда и везде я называл ее про себя my smiley-girl, моя девочка-смайлик.

– Выспалась?

– Да, милый.

– Лу, сегодня не надо мне помогать, хорошо?

– Хорошо.

Лу, как и многие тайландки, работала очень шустро и, если я отставал от других работников, она подбегала ко мне украдкой и помогала мне догонять остальных. Мне было в радость знать, что она беспокоится обо мне, но все же, как мужчине, мне было стыдно, поэтому я каждый раз просил ее не делать этого. И каждый раз она говорила: «хорошо», но я снова и снова видел ее хрупкую фигуру, вперебежку направляющуюся ко мне. Она смотрела на меня озорными глазами, и, хотя ее лицо было скрыто под маской, я точно знал, что она улыбается.

– Не сердись. Просто, я чуточку соскучилась, – говорила она, поравнявшись со мной.

Автобус, покачиваясь и скрипя рессорами, медленно взобрался по проселочной дороге на холм, склоны которого были сплошь усажены лобой – корейской крупной редькой, своей продолговатой формой похожей на бомбу или торпеду.

– Лобу собирать будем. За день платят или на объем? Не знаешь?

– Нет, Гоша, не знаю. Сейчас Лу с саджаном поговорить должна.⁹

– Хорошая, девчонка, твоя Лу. И корейский, и английский знает. Ей бы в Америку, там бы точно не пропала.

Гоша подкурил сигарету, затянулся, издавая шипящий свист, и обдал меня табачным дымом. Шаря по карманам, я обнаружил, что оставил свою пачку дома.

– Слушай, Гоша, у тебя сколько сигарет? Я сегодня твои покурю? Вечером отдам.

– Да, нет проблем, – простодушно ответил он и протянул мне сигарету.

– Спасибо.

– Нашел, за что благодарить. За никотин не благодарят, запомни. И возвращать не надо, кури просто и все.

– Гоша, мы же не у себя дома, где сигареты почти ничего не стоят. А здесь они дорогие же. Так что верну.

– Будешь так говорить, без сигарет сегодня останешься.

– Ой, да, ладно тебе. Буду курить твои сигареты и не верну ни одной!

Подошла Лу и, сообщив, что сегодня работаем на объем, густо смазала себе под носом, а затем и мне эвкалиптовой мазью, чтобы под палящим солнцем легче дышалось. Я поцеловал ее в лоб и взял из ее рук баночку с мазью, предложив Гоше, но он, покачав головой, отказался.

Уже ближе к обеду каждая мышца в моем теле отдавалась болью при движении. Мы работали в бешеном темпе, набивая новые мозоли на руках. В нашей группе за самую сложную задачу взялись я и Гоша. Мы вырывали намертво засевающую в земле редьку, хватаясь за ботву одной рукой, а другой уже вытягивая следующую. Лу и ее напарница шли за нами. Отбрасывая в сторону мелкую и негодную для продажи лобу, они относили крупные корнеплоды выше по склону, туда, где другие две девушки тесаками, похожими на мачете, отрезали ботву.

⁹ саджан (кор) – начальник, босс.

Дальше эстафета переходила к тем, которые бережно складывали редьку в огромные квадратные мешки.

В моих висках оглушающим гулом проносилось мое же сердцебиение. Было трудно дышать: действие эвкалипта уже давно прошло, а бегать за новой порцией не было времени. Я вдыхал обжигающий нутро воздух и, скрипя пылью на зубах, шел дальше, изредка смотря на Лу и следя за тем, чтобы она не набирала редьки сверх меры. Хозяин поля был из числа тех, кто не считал гастарбайтеров за людей и относился к нам, как к скотине. Показав границы участка и пообещав привезти обед, он уехал и оставил одну лишь двадцатилитровую канистру питьевой воды на двадцать семь человек: по семьсот граммов на душу. И как бы мы не экономили воду, при таком неумолимом зное вода быстро закончилась.

В двенадцать часов, когда саджан не приехал с обещанной едой и питьем, мы решили передохнуть, так как отлично знали, что, привезя обед позже, он все равно заставит нас подняться ровно в час. Мы устроились на вершине холма в тени деревьев. В горле пересохло и ужасно хотелось пить. Матеря саджана на четырех языках, я взял тесак и спустился вниз к куче отбракованной редьки. Взяв одну и, отчистив ее, я осторожно откусил маленький кусок. Редька была горькой, но сочной. Я откусил еще, пожевал и начал сосать образовавшуюся во рту кашу, выжимая из нее сок. Набрав полную корзину, я отнес ее наверх и поставил перед моими сестрами по несчастью: кроме нас с Гошей здесь были одни женщины. Я вернулся на свое место с лобой в руках, почистил ее и разделил на три части: для себя, Лу и Гоши.

– Лу, держи. Пожуй и глотай сок. Сразу полегчает.

Взяв с нас пример, остальные тоже разобрали лобу и одобрительно закивали мне. Теперь мы ходили на стадо жвачных животных, которые грузно лежали после сытного пастбища и вторично пережевывали свою пищу. Я поднял глаза на чистое небо и подумал: «Такое же голубое, как и дома. Но люди под ним здесь совсем другие...»

Вечером мы шли домой по тихой и пустой улочке. Солнце уже приближалось к горизонту и покрыло весь мир оранжевой краской. В этом цвете все казалось каким-то мультяшным: я и Лу шагали мимо нарисованных домиков в крохотном городишке, который был изображен на страницах красочного комикса в стиле аниме.

– Посидим сегодня в парке?

– А ты не устала?

– Устала. Сейчас дома отдохнем немного и пойдем.

– Слушай! У меня есть идея. Давай, завтра сделаем себе выходной, а? Две недели уже не отдыхали!

– Ты что-то задумал?

– Да! Тебе понравится. Обещаю.

Я отправил Лу домой, сказав, чтобы ужинала без меня, а сам забежал к Гоше, который жил в пятнадцати минутах ходьбы от нас.

– Блин, Гоша! Мы с Лу завтра отдохнуть решили и уезжаем в Кванджу. Я как раз там постараюсь встретиться с тем человеком и подробнее все узнаю про G1.

– Хорошо – хорошо.

– Тебе что-нибудь привезти? – крикнул я из коридора, наспех обуваясь.

Гоша вышел из комнаты и в раздумьях облокотился на косяк двери.

– Возьми, знаешь, что...

– Что? Блин, давай пали-пали! Я тороплюсь.¹⁰

В Кванджу, как и во многих крупных городах, был небольшой русский квартал, который жил своей собственной социальной и экономической жизнью. Этот район назывался Вольг-

¹⁰ Пали-пали (кор.) – быстрее-быстрее.

октонг, и в местных магазинах можно было найти почти любой товар из стран СНГ: начиная с конфет и вплоть до отечественных лекарств.

– Короче, Георгий! Я побежал. Надумаешь, позвони!

– Ладно, давай! Я тебя завтра наберу!

– Давай!

Лу уже успела привести себя в порядок. Она сидела на полу и сушила полотенцем свои волосы, которые на прошлой неделе подстригла; и теперь они не доставали даже до ее плеч. Я не знал, как называется ее новая прическа, но с ней Лу стала выглядеть еще моложе, совсем как студентка младших курсов.

– Ты поела?

– Мхм. А ты?

– Я по дороге перекушу, куплю что-нибудь. Я в душ, а ты собирайся.

– А куда мы пойдем?

– В Кванджу поедем. Надоела эта глушь! Проветримся немного. В ночной клуб сходим. Я знаю один в районе Шине. В него можно без айди-кады попасть.^{11 12}

– А где мы заночуем? В мотеле?

– Я разве не говорил, что у меня там ванрум есть?

– Нет.

– Да? Ну, вообще, в Кванджу я снимаю квартиру и держу ее, чтобы не мотаться по всей Корее с чемоданами и всегда было, куда вернуться. Так очень удобно.

– А я думала, что все остальные твои вещи у Гоши...

До Кванджу было всего тридцать километров, и я договорился с таксистом, что он отвезет нас за пятьдесят тысяч вон – грубо говоря, сорок пять долларов. Конечно, на автобусе было бы намного дешевле, но я не хотел лишний раз подвергать Лу опасности: по вечерам на бас-терминалах часто проводились рейды. К тому же, мне не терпелось снова почувствовать себя человеком и вспомнить, что я тоже являюсь частью цивилизации. И уже через минут двадцать нас подхватило импульсивное дыхание города, которое накатило мощным течением и понесло нас, кружа в вихре ночных огней и тысячи веселящихся прохожих.

– Давай не будем много тратить, – Лу помотрела на меня снизу вверх, обнимая мою руку и касаясь лицом моего плеча.

– Лу, послушай, нам надо иногда снимать стресс. А то так и с ума можно сойти. Насчет денег не переживай: на арбузах я столько заработал, что могу позволить себе целый месяц бездельничать. Так что, расслабься, my smiley-girl. Представь, что сегодня мы с тобой туристы!

– Окей, а с какой страны мы приехали?

– С какой хочешь! С Таиланда, Америки, Канады или Европы! Выбирай!

– Мне Америка нравится.

– Значит, мы прилетели сегодня с Америки. Допустим, я преподаю в Гарварде, а ты работаешь в гарвардской библиотеке. Мы за год накопили много денег и отправились в небольшой тур. После Кореи мы улетим в Японию, потом еще куда-нибудь.

– Я хочу заехать на пару дней в Таиланд...

– Обязательно. Навестим твою маму и сестренку.

Вдруг на меня нашло дежавю – словно чей-то невидимый палец провел в голове по сенсору экрана, и городской пейзаж исчез, сменяясь другим изображением: в ложине, зажатой между высокими горами, шли двое, оторванные от реальности и витающие в облаках...

– Милый, что с тобой? – будто сквозь плотную завесу раздался голос Лу.

¹¹ Шине – так назывался один из районов г. Кванджу, но, к сожалению, я не знаю, официальное ли это название или русскоязычные так прозвали этот район.

¹² ID-card – удостоверение личности или иммиграционная карта.

– Ничего, просто дорогу вспоминаю. Пошли, нам туда.

Клуб был битком забит захмелевшей молодежью, и никто толком не танцевал, топчась в тесноте на одном месте. Не сумев и на пару метров протиснуться в сторону танцпола, я потянул Лу обратно, и мы вышли на улицу.

– Вот это да! Никогда здесь не было таклюдно. И нравится им там толпиться, как на базаре?!

– Мне тоже там не понравилось.

– Ладно, вечер еще не закончен! Здесь рядом есть бар «SpeakEasy». Пойдем туда.

– А почему «SpeakEasy»? Там нельзя громко разговаривать?

– Нет. Просто так назывались бары в Америке, где во времена «сухого закона» подпольно продавали алкоголь.

– Окей, поняла.

– Ты кушать не хочешь? – спросил я, уже поворачивая в переулок, в конце которого стояло двухэтажное здание: внизу был тату-салон, а наверху расположился бар, – Если хочешь, то сходим сначала перекусим где-нибудь.

– Нет, пока не хочу.

«SpeakEasy» был своеобразным островком Запада, где собирались в основном европейцы и американцы. Перед баром на своем байке сидел рыжеволосый, крупный и накачанный британец Уильям, курил и попивал пиво. Я знал многих постоянных посетителей этого бара поименно, но лично знаком был только с барменом Алексом – австралийцем с румынским происхождением; американцем Тоби, преподававшим английский в одной из местных школ; его земляком Марком, о деятельности которого я не знал ровным счетом ничего; и студентами из Испании Армандо и Луисой.

Мы поднялись на второй этаж и вошли в тускло освещенное помещение: на противоположной от двери стороне был полукруглый невысокий пьедестал, который служил по субботам сценой для любительской рок-группы, выступавшей на волонтерских началах; на стене возвышался большой экран, и в футбольные дни в баре транслировали матчи; справа находилась барная стойка; напротив нее перед заменявшими стену окнами стояло несколько столов и просторных диванов; а остальное пространство было занято пятью-шестью маленькими столиками и стульями возле них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.